

Вестник Литературы

выходит ежемесячно

№ 4.

— Апрель —

1919 г.

Адрес редакции и конторы: „Дом Литераторов“,
Бассейная № 11. — Телеф. №№ 661-39 и 34-03.

Цена номера 3 руб

Отдельные №№ продаются в книжных магазинах и на вокзалах.

СОДЕРЖАНИЕ: К нашим читателям.—Пресса пролетарских союзов,—проф. В. В. Святловского.—Новая орфография—на практике.—А. Евгеньева.—Что делается в литературе. („14-ое Декабря“ Д. С. Мережковского) А. А. Измайлова.—Чем заняты наши писатели (В. И. Немирович-Данченко, П. М. Невежин, Л. Г. Дейч, А. И. Куприн, Ф. К. Сологуб и др.).—Среди книг и брошюр.—На книжной выставке.—Библиографические сборники.—Об интеллигенции. Беспартийного.—О союзе деятелей художественной литературы, Федора Сологуба.—Скорбная летопись: К. К. Арсеньев (ст. Н. С. Таганцева), А. А. Исаев, Ю. Н. Веселовский, Г. М. Князев, М. М. Бродовский и др.—В. Литературных организациях—Литературная Хроника.

К нашим читателям.

С настоящего номера „Вестника Литературы“ из него выделяется в особый орган под прежним названием „Вестник Общества взаимопомощи литераторов и ученых“ информационная часть, касающаяся деятельности Общества, центрального правления и отделений. „Вестник Литературы“ останется чисто литературным органом и будет обслуживать интересы деятелей литературы и науки, содействуя общению между писателями и читателями. Кроме этой чисто идеальной цели, „Вестник“, как мы уже писали, преследует и задачу более реальную—создать лишний источник заработка для безработных писателей и журналистов.

Указанная реформа в издании „Вестника Литературы“ превращает его, таким образом, из органа, обслуживающего Общество взаимопомощи литераторов и ученых, в самостоятельный литературный орган, не связанный в своих суждениях и оценках литературных явлений и деятелей довольно пестрым и разнопартийным составом Общества и его исполнительного органа. Отныне за всякое мнение отвечают сами пишущие и редакционная коллегия.

Связь с Обществом, под сенью которого возник „Вестник Литературы“, сохранится в виде участия в нем, в качестве редакторов и сотрудников, членов Правления и Общества, которых мы призываем к посильному содействию своим трудами нашим целям и задачам.

Пресса пролетарских союзов.

(1905—1919)

Это целый своеобразный мир, до сих пор мало исследованный. Между тем, периодическая пресса пролетарских союзов имеет свою историю и свои поучительные выводы. Легально она впервые появилась осенью исторического 1905 г., быстро разрастаясь и усиливаясь. К началу 1906 г. уже издавался ряд чисто пролетарских журналов, при помощи которых профессиональные группы рабочих информировались и руководились по наиболее жгучим вопросам дня. В них также, но только слегка освещались и вопросы их профессии. Общие вопросы политики и экономии преобладали. Не выявляя определенной партийной физиономии, вся пресса с самого начала стала на классовую точку зрения. При такой постановке дела,—а она была для руководящей интелигенции единственно интересна,—вопросы профессионализма, информации и изучения реальной обстановки быта—отходили на второй план. Отсюда понятно, что подъем общего настроения, вызванный созывом первой Государственной Думы, ярко отразился на этой прессе. Ежемесячно появля-

лись новые журналы новых сорганизовавшихся групп. К концу 1906 года размножение пошло еще быстрее. За октябрь, ноябрь и декабрь 1906 года появилось 20 новых органов. Январь 1907 года дал 10, февраль—9. Все эти журналы, выпускаемые только в розницу по крайне дешевой цене: 1, 2, 3, 5, 7 и редко 10 коп. за №, находили довольно обширную аудиторию; во многих из них, а в некоторых почти исключительно—редакторами и авторами являлись сами рабочие. Некоторые из журналов заметно сложились и окрепли; два-три, как например, органы рабочих по металлу, портных и печатников—распространялись в довольно значительном количестве и, повидимому, не только покупались, но и читались. В общем все же почти все журналы первоначально развились между собою только названиями, да некоторою специальной информацией. Но были и исключения, наприм., Петроградский „Голос Извозчика“, характерный и самобытный журнал, наполнявшийся только профессиональными вопросами. Здесь, действительно, все статьи писали и журнал редактировали сами извозчики.

Быстрому расцвету этой прессы в свое время подготовили почву те общие органы революционно-партийной прессы, которые не всегда, впрочем, справедливо носили название „рабочей печати“. Справка из прошлого указывает, что,—если не считать нескольких чисто эпизодических попыток издания подобного рода журналов в 70-х и 80-х годах,—перед нами, начиная с середины 90-х г.г. целый поток подобного рода изданий. Таковы, например, „Русский Рабочий“ (1894—1899 г.г.)—орган „союза с.-р.“, „Работник“ и его „Листки“—издание марксистской группы: „Освобождение труда“, органы Бунда: „Еврейский Рабочий“ и „Рабочий Голос“, Таковы, позднее: „Рабочая Мысль“, „Рабочее Знамя“, „Рабочее Дело“ и его „Листки“, наконец, „Южный рабочий“, „Пролетарское Дело“, и некоторые другие листки различных оттенков социал-демократической мысли.

Характер и задача этого вида прессы понятны. Все принципиальные и текущие вопросы рассматривались исключительно с революционной точки зрения, а все издания руководились и наполнялись статьями почти исключительно интеллигенцией. С ростом образования и движения рабочих здесь появляются и рабочие, но все же, особенно первоначально, в виде редкого исключения. Революция 1905 г. временно сделала излишним подпольное революционное издательство. Новая пролетарская пресса, пресса рабочих организаций, отчасти заменила прежнюю революционные издания, отчасти восполнила существенный пробел.

Легальная профессиональная пресса, следовательно, явилась органическим звеном в развитии революционной идеи, что и отразилось на ее характере. Поэтому совершенно неправы те, кто рассматривает появление профессиональной пролетарской прессы только, как выход для агитационной—организационной деятельности из „невозможных полицейских условий при устрой-

стве всякого рода собраний членов союзов, зажимания рта по всякому злободневному вопросу на этих собраниях, загона союзов в подполье и пр.¹⁾.

Первый, вначале полугодальный орган профессионального союза,—именно „Печатный Вестник“, „еженедельный журнал петербургских рабочих печатного дела“, появился в середине 1905 года в Петербурге²⁾. В течение этого года вышло 12 №№ этого журнала. „Печатный Вестник“ заслуживает большого внимания. Он, преимущественно, занимался вопросами своего союза, уделяя некоторое место и общеполитическим и экономическим вопросам, в которых он стоял на классовой точке зрения. В нем при том совсем не затрагивалось профессиональное движение в других профессиях.

Осенью 1905 г. появилась потребность в органе, в котором отражалось бы все профсоюзное движение. Таким первым общепрофессиональным журналом, начавшим выходить с ноября 1905 г., был „Профессиональный Союз“, издававшийся Петербургским „Центральным Бюро профессиональных союзов“. Первые №№ его выходили явочным порядком, который тогда впервые практиковался Советом Рабочих Депутатов при издании своих „Известий“ и петербургским Союзом рабочих печатного дела.

Орган первоначально имел исключительно справочный характер. Номер 1-й, по инициативе его и вышедший под редакцией пишущего эти строки, вышел 27 ноября и разошелся в довольно большом количестве экземпляров. После издания суворых „Временных правил 4-го марта“ журнал носил одно время защитное наименование „Справочный журнал Центрального спровоочного бюро с.-петербургских профессиональных рабочих союзов“ С № 16-го до времени своей приостановки он вновь именовался „Периодическим органом Центрального бюро петербургских профессиональных союзов“. Подписки на журнал не было. Журнал не мог остановиться на своем чисто справочном характере, который был навязан ему из чисто партийных соображений, а большинство центрального бюро убедилось, что „помещение руководящих статей в таком журнале вполне уместно и необходимо“, и рядом своих постановлений постепенно изменил и осмыслил программу и характер журнала.

Он все более превращался—в общеполитический и общеэкономический журнал по профессиональному движению.

С 1907 года журнал начал выходить под названием „Профессиональный Вестник“.

Почти одновременно „московское бюро“ уполномоченных профессиональных рабочих союзов также приступило к изданию своего органа. Но он не получил даже физиономии журнала, а выходил периодически в качестве „материалов по движению“, содержа в себе сырой материал и обширные перепечатки из общей прессы. Подпись на этот журнал не принималась. Журнал не продавался, а раздавался в союзе бесплатно; программы издания, а также руководящих статей в нем не помещалось. Это по своему ценное, но совершенно необработанное сырье; оно опубликовано в Москве под заголовком: „Бюллетени музея содействия труду“ (№ 1—16 ноября 1905 г., № 2—3 декабря того же года) и под названием (№ 3) „Материалы по профессиональному движению рабочих“.

Позднее в Москве начало издаваться подобие петроградского „Профессионального Союза“ под названием: „Рабочий Союз“. Московское Центральное бюро официально не принимало в нем участия; редакция успела выпустить 10 №№ этого журнала. Такие же органы профессиональных коллективов издавались позднее и в других городах. В Одессе выходили: „Южный профессиональный листок“, потом „Рабочее дело“ и „Союз“. Все эти органы походили друг на друга.

Органы отдельных профессиональных союзов появились впервые также в столицах, где число их быстро озрасло³⁾.

¹⁾ „Библиографический сборник“, под ред. М. Лунца, М. 1907 г. стр. 54.

²⁾ Ему предшествовал „Der Weker“—(Будильник) орган союза еврейских щетинщиков, создавшийся еще в 1898 году под руководством Бунда. С 1898 по март 1903 вышло 13 номеров. (См. В. В. Святловский: Указатель литературы по профессиональному движению рабочих. 3-е изд. Петроград. 1917 стр. 60 и след.).

³⁾ За первые два года существования профессиональной прессы около половины всех журналов, именно 36, выходило в Петербурге и около четверти, 18 журналов, в Москве.

Так, в обеих столицах раньше других издали свои органы союзы рабочих печатного дела. Петербургский „Печатный Вестник“, в силу цензурных условий, несколько раз менял свое название: (Печатное слово, Вестник Печатника и т. д.). В Москве „Печатник“, был заменен „Печатным Словом“, а последнее— „Печатным Делом“. Органы союзов рабочих печатного дела велись преимущественно самими рабочими и составлялись хорошо. В них содержится богатый фактический материал, до сих пор, впрочем, ожидающий сводки. За то безличны и стереотипны были другие органы, к изданию которых союзы побуждались иногда и соображениями полицейскими, так как небольшие собрания легче происходили под видом собраний редакционных. Таковы органы, издававшиеся полупролетарскими группами, как-то: конторщиками, приказчиками и пр. В октябре 1906 г. вышел 1 № „Жизни Конторщика“, ставивший себе целью „защиту профессиональных и правовых интересов конторщиков“; в ноябре стал выходить „Приказчик“. К выпуску „своих“ органов обратились также чертежники, фармацевты, техники. Эта группа журналов, дав ряд статей общего характера, мало отразила непосредственные нужды профессии. Эти органы, как и их союзы, отличались некоторою неустойчивостью и часто недолговечностью. В том же духе были и многие издания чисто пролетарских союзов. Но некоторые содставили исключение и приобрели серьезное значение и вне пределов столиц. Таков орган петербургского союза портных, („Листок портных“, а затем „Портной“) и „Голос извозчика“. Сходство техники издания и манеры писания было настолько очевидно, что Петербургские редакции неоднократно делали попытки объединяться на почве взаимных услуг, но дело первое время не налаживалось. В марте 1907 года состоялось совещание 18 (из 27 выходивших тогда) журналов, причем была выбрана комиссия „для объединения технической и хозяйственной деятельности редакций“. Здесь по приблизительному подсчету выяснилось, что в одном Петербурге выходило ежемесячно от 120 до 150 тысяч экземпляров разных профессиональных органов, при общем расходе около 3.500 руб. в месяц. Обычный № состоял из 8-ми, чаще из 16-ти страниц и цена его назначалась в 3 или 5 копеек. Общий материал в ряде изданий давали одни и те же лица—революционная интеллигенция, посвятившая себя экономической работе.

Вообще, редакционное ядро составлялось не одинаково и не в зависимости от организованности профессия, так, одни журналы, вроде „С.-Петербургский сапожник“, „Голос извозчика“, „Красильщик“ велись почти исключительно рабочими, в других—только редактирование статей и сводка материала велась интеллигенцией, (наприм., в „Листке портных“, „Листке булочников“), в третьих—участвовала почти исключительно интеллигенция; таков, наприм., „Рабочий по металлу“. Активное участие рабочих отражалось в характере подбора статей,—они менее интересовались общими вопросами—и в упрощении стиля.

Все журналы, вместе взятые, обнаружили значительный публицистический тон, живость и отзывчивость по общим вопросам. Слабее был материал, посвященный жизни и деятельности профессиональных организаций. Общая пресса, к сожалению, мало обращала внимание на пролетарские органы, отделяясь при случае общими местами. Сами руководители профессиональным движением относились к этой прессе значительно строже. Но требования их часто, особенно для маленьких органов, являлись практически неосуществимыми. К числу справедливых сетований относились жалобы, наприм., на скучность хроники, на вялость общих статей и пр. В итоге, приняв во внимание общие условия нашей политической деятельности, общие условия печати, скучность времени и средств молодых рабочих организаций, приходится признать, что наша профессиональная пресса сделала для того времени максимум возможного.

II.

После 1905 года профессиональная печать начала подвергаться разнообразным все возраставшим репрессиям. В силу чрезвычайной охраны прежде всего был закрыт в Петербурге „Профессиональный Вестник“, а весь имевшийся в редакции материал конфискован. На том же „основании“ был закрыт „Голос извозчика“, в редакции которого полиция произвела полный разгром; за гим также участь постигла несколько других петербургских редакций. В силу той же чрезвычайной охраны адми-

ициация свирепствовала и в провинции. Первый харьковский генерал-губернатор закрыл орган харьковских рабочих союзов „Союз“ и затем заменивший его „Труд“. В Петрограде неоднократно конфисковывались „Печатный Вестник“, „Ткач“, „Приказчик“ и другие. Затем были закрыты „Приказчик“, „Голос фармацевта“. В Одессе — „Южный профессиональный листок“, „Рабочее Дело“ и „Союз“. Начиная со времени разгона первой Думы случаи конфискации участились. Так были конфискованы № 8 „Ткача“, органа петербургского профессионального союза рабочих по обработке волокнистых веществ, № 2 „Голоса приказчика“, № 24 „Труда инженера и техника“, один из №№ московского „Рабочего союза“, № 3 харьковский „Союз“ и многие другие.

В июле 1906 года было закрыто 5 журналов, а до конца года еще 12. В 1907 году выделился месяц март, когда было закрыто 11 журналов, а затем, до августа, еще 14. Особенно усердствовали провинциальные власти. К концу второго года существования нашей профессиональной прессы из 13 провинциальных журналов остался только один нижегородский „Судоходец“.

Со времени разгона Первой Думы стали также обычным явлением аресты и высылки редакторов. 1907 год принес с собою и новую меру — чрезмерные штрафы в 1000 и даже 3000 (!) рублей на одно пролетарское издание.

В итоге в период с 1908—1912 годов периодическая пролетарская пресса замирает постепенно. Приятным исключением является в этот период бакинский журнал „Гудок“, живо и интересно ведущийся. Вопросы профессионального движения постепенно переселяются в общую прессу, но и здесь понемногу исчезают.

К концу 1908 года в Петербурге выходили 5, в Москве — 2 журнала, в Одессе, Тифлисе, Херсоне и Ревеле по одному. Появляются журналы по кооперации. В 1910 в Петербурге — 5, в Москве — 3, в Киеве 4, по одному в Елисаветграде, Баку, Варшаве и Риге. Журналы этого периода сосредоточивают свое внимание на профессиональных вопросах и не без успеха.

Накануне мировой войны в России уже не было почти ни одного издания рабочих организаций. Свойством пролетарской печати временно умерла. Вновь пробуждается она с февральской революцией.

III.

Периодические издания профессиональных организаций первого периода 1905—1908 г. можно разделить на две группы: на издания общего руководящего характера и на органы отдельных профессий. К числу первых относятся: издания центральных бюро: С.-Петербургского — „Профессиональный Союз“¹⁾, Московского²⁾ Одесского, Харьковского, Астраханского, Воронежского, Саратовского.

К этой же группе подходят: орган московских соц.-дем. большевиков — „Профессионал“; с.-петербургских соц.-революционеров — „Профессиональное Движение“, орган партии Р. Р. С. — „Ruch Zawodowy“.

Такой же общий характер носят и некоторые издания частных лиц при том или ином содействии профессиональных союзов. Таковы московские журналы: „Семь дней“, „Рабочий Союз“ Очередной и Фабричный; Екатеринославский: „Вестник Труда“; Петербургский: „Трудовой Союз“; Одесский: „Освобождение Труда“.

Вторую группу составляют журналы отдельных профессий. Из числа последних по количеству органов печати выделяются профессии: наборщиков, приказчиков, металлургов, ткачей и железнодорожников.

¹⁾ „Профессиональный Союз“, справочный журнал Центрального бюро с.-петербургских профессиональных союзов. №№ 1—15, под ред. В. В. Святловского СПБ. 1905—1906 гг., изд. Центрального бюро; №№ 16—21 под ред. В. Шарого, изд. „Новый Мир“ СПБ. 1906 г. Продолжение: „Профессиональный Вестник“. № 1 вышел 5-го января 1907 г., под. ред. А. А. Исаева. СПБ. К 1 июня 1907 г. вышел № 13.

²⁾ „Бюллетень Музея содействия труду“, состоящего при Московском Отделении Имп. Русского Технического общества. Вышли только два номера: № 1—16 ноября 1905 г. и № 2—26 ноября 1905 г. Продолжение: „Материалы по профессиональному движению рабочих“ № 1 (единственный) М. 1906 г.

Наборщики (и вообще рабочие печатного дела) имели свои органы в Москве „Печатник“¹⁾, в Петербурге в Киеве („Листок“) и Варшаве („Графика“).

Приказчики издавали свои журналы легально в обеих столицах²⁾ в Одессе, в Нижнем Новгороде, в Екатеринодаре, в Омске, нелегально в Астрахани и в Кременчуге. В последнее время, вместе с падением в среде приказчиков союзов настроения, и прессы этих организаций сократилась. К приказчикам прессе близко примыкают органы других полупролетарских групп, как канторщики, фармацевты, техники обеих столиц и чертежники.

Среди пролетарских профессий, издающих свои органы, выделяются металлические рабочие, затем идут булочники³⁾, портные⁴⁾, рабочие и служащие на путях сообщения⁵⁾.

Наконец свои журналы имели: парикмахеры, извозчики, чернорабочие, конфетчики, садовники, сапожники, ткачи⁶⁾, строительные рабочие, дровообделочники, золото-сребренники и бронзовщики, табачники, кожевенники, красильщики, фотографы. Из экономики места названия их журналов здесь опускаются.

Затем профессиональные органы появились еще в следующих профессиях: экипажники, кузнецы и электроосвещители, часовщики, писчебумажники, городские служащие и рабочие, больничные служащие. В западном крае выходил орган союза щетинников, — „Wecker“. Итак мы видим, что за короткий промежуток времени (два года) уже 32 профессии издавали собственные органы, причем, плавно, при отсутствии репрессий они развились бы несравненно ярче и значительнее.

(Окончание следует).

Проф. В. В. Святловский.

¹⁾ „Печатный Вестник“, Вестник Печатников, продолжение „Голос Печатника“, продолжение „Жизнь Печатника“. В Петербурге также выходил журнал: „Наборщик и Печатный Мир“

²⁾ В Петербурге „Приказчик“, продолжение „Голос Приказчика“, в Москве: „Жизнь Приказчика“, продолжение „Приказчик“, „Колониальный“.

³⁾ „Рабочий по металлу“. Пробный № вышел как приложение к № 16 „Профессионального Союза“, № 1 вышел 30 августа 1906 г. К 1 сентября 1907 г. вышло 19 №№ Листок професионального общества рабочих по металлу, Москва, № 1, приложение к № 9 журн. „Рабочий Союз“, вышел 1 декабря 1906 г. „Кузнец“. Москва, № 1 вышел 20 февраля 1907 г. Закрыт „Metalowiek“ Варшава. Орган Варшавского и Лодзинского союзов 1-ый № вышел в июне 1906 г. „Справочный Листок“ — Баку. 1-ый № вышел 24 сентября 1906 г. Еженедельный. Затем в августе 1907 г. стал выходить „Гудок“ тоже Баку.

⁴⁾ „Листок союза рабочих портных, портних и скорняков“. Спб. Ред. Ф. Озоль. 1-ый № вышел 3 декабря 1905 г. После 1 № вышло два пробных №. Начиная с 2-го № газета носит название „Листок рабочих портных“ к январю 1907 г. вышло 20 №№. В 1907 г. по апрель м. вышло 6 №№ Продолжение: „Портной“, № 1—29 апр. 1907 г. „Листок союза рабочих по изготовлению одежды“. Москва, 1906 г. Вышел только один №, приложение к 5 № „Рабочего Союза“.

⁵⁾ „Железнодорожник“. Спб. Выходит с 1903 г. „Железнодорожная Жизнь“. Москва. Вышел только один 1—2 № от 10 октября 1906 г. Закрыт „Железнодорожный Союз“. Выпуски 1 и 2 вышли в феврале 1907 г. „Голос железнодорожника“. Вышел только один № 1 в октябре 1906 г. нелегально. „Локомотив“. Спб., № 1—2 вышел 27 марта 1907 г. „Судоходец“, орган волжских служащих и судорабочих. Н.-Новгород. № 1 вышел 15 апреля 1906 г. (конфиск.). Всего вышло более 60 №№. Ежедневно. „Каспийская волна“. Баку.

⁶⁾ „Ткач“. СПБ. Пробный № вышел 4 апреля 1906 г. 1-ый № вышел 11 июня. Всего вышло 8 №№. № 8 журнала конфискован и журнал закрыт. Продолжение „Голос Ткача“. 1-ый № в октябре 1906 г. (конфискован). Вышло 3 №№. На 3-ем, конфискованном № журнала закрыт. Продолжение „Вестник рабочих и работниц волокнистых производств“, 1-ый № 7 февраля 1907 г., к 1 июня 5 №№. Продолжение „Челнок“ с августа 1907 г. „Листок союза по обработке волокнистых веществ“, Москва. Выходил в виде приложения к „Рабочему Союзу“ с октября 1906 г. Вышло 3 №№. В 1907 г. „Текстильное Дело“, Москва.

Новая орфография — на практике.

Это было год слишком тому назад. В редакции газеты маститый беллетрист и молодой журналист вели беседу о новой орфографии. Оба зело роптали на орфографические новшества.

— Я дам скорее свою руку на отсечение, уеду в места, не досягаемые для новой революции — орфографической, а не стану на склоне дней своих „переучиваться“ писать, чтобы коверкать затем и искашать язык, который корифеи нашей литературы завещали нам беречь пуще всего,— заявил убеленный сединами беллетрист.

— Если вы, старый писатель, пишущий, не спеша, повести и книги, вооружаетесь против реформы правописания, то каково-то нам, журналистам, привыкшим с юных лет к старому правописанию, воевавшим изо дня в день с уклонявшимися от общепринятой орфографии авторами, и обреченным на так наз., газетную спешку!... Ведь нельзя же, в самом деле, по щучьему велению, хотя бы под угрозой репрессий, с места в карьер начать писать „по новому“! Привычка — вторая натура.

Прошел год.

В читальном зале „Дома Литераторов“ встретились старые знакомые — маститый беллетрист и журналист. Первый бегло просматривал лежавшие на большом столе журналы и газеты.

— Каково читается? — спросил ехидно журналист? — Помните вашу клятву — не читать литературы с новой орфографией, от которой, как вы говорили, у вас в глазах рябило и под ложечкой тошило...

— Все это было одно орфографическое суеверие! Не только в глазах не рябит, но и пишется легко и свободно, когда не надо отвлекаться мыслями, — следует ли писать *ы* или *ыс*, *оне* или *оне* и т. п., какого рода данное существительное, и т. д., и т. д.. Нет, как хотите, а свобода хореша даже в орфографии. Это особенно чувствую я, отдавшись теперь составлению своих обширных мемуаров и писанию большого произведения...

— Я, к сожалению, — ответил уныло журналист — не придерживаюсь ни новой, ни старой орфографии, ибо издания, в которых я работал, давно прекратились, а потому не могу судить о значении орфографической реформы. Может быть, вы и правы.

— Да, друг мой! Нельзя быть рабом привычки. Старое правописание слишком дорого обошлось народу. Из-за нежелания испровергнуть самодержавное *и*, половина учебного времени уходило бесплодно на внедрение в детские головы правил употребления этого „яя“. И на это тратилось по всей России из году в год не мало народных денег. Между тем, старое правописание не заслуживало того ореола научной неприкословенности, которым его окружают. Больше того. Оно создалось искусственно, случайно и не виждется на национальной основе: оно — чужеземного происхождения. И недаром наша академия, лучшие языковеды, педагогические съезды ратовали всегда за реформу орфографии...

И надо сказать правду, что маститый беллетрист был прав. Как ни тяжело было нам расстаться с нашими, осужденными на смерть, старыми друзьями — *ы*, *ы* и *и*, они имели непримиримых противников среди наиболее авторитетных знатоков языка, несомненных патриотов своего отечества. Орфографический покрой, в котором щеголял наш дивный язык, шили иноземцы — Кирилл, югославяне, в позднейшее время — иноземцы Греч, Востоков и академик Гrot, от которого в 1904 г. отреклась сама академия. Последний не раз требовал пересмотра орфографии, не посягая на красоты языка Пушкина и Тургенева...

Когда особая комиссия при спб. педагогическом обществе возбудила в 1903 году пред министерством нар. просвещения ходатайство о созыве более авторитетной комиссии для рассмотрения проекта орфографической реформы, „сие признано неблаговременным“. Какая-то высокопоставленная особа царского происхождения даже усмотрела в проекте колебание „устое“, „революционный акт, посягающий на язык“, который-де „вместе с православием и самодержавием, является основой государственного строя“. Был сделан в этом смысле доклад Николаю II, который, дорожа неприкословенностью своего самодержавия, оставил в неприкословенности и самодержавное *и*. Нужды нет, что арзработкой вопроса об орфографии были заняты вел. кн. Кон-

стантин Константинович и такие авторитеты, как академики Фортунатов, Шахматов, Булич, Бодуэн-де-Куртенэ и др.

В провале орфографической реформы сыграло в 1904 г. не последнюю роль, влиятельное при царизме, „Новое Время“. Забыв о том, что, лет 20 назад, она сама взела у себя новое правописание, от которого поспешила отказаться, чтобы не лишиться читателей, привыкших к старой орфографии, газета выступила с резкой статьей, где покушение на *ы* и *ы* отожествлялось с крамолой и посягательством на „устои государства“. И дело предано забвению.

На рубеже 1916—1917 г.г., состоялся в Москве первый всероссийский съезд преподавателей и профессоров русского языка и словесности, привлекший 2.000 членов. Почти единогласно решена была реформа правописания. В кулуарах съезда выражалось опасение, что царское правительство не допустят реформы.

Любопытно, что под конец сами члены съезда поколебались и вняли в противоречие со своим решением. Когда зашла речь о печатании протоколов и трудов съезда, то принято было постановление о сохранении в них старого правописания...

После революции и провозглашения, свободы, академия снова занялась вопросом об отмене старой орфографии именем в виду приблизить свободный народ к источникам образования и облегчить ему возможность усвоения грамоты и знаний.

Образовано было особое совещание, под председательством академика А. А. Шахматова. В совещании участвовал тов. министра Герасимов, представители высших учебных заведений, языковеды и словесники Булич, Венгеров и другие...

И снова старой орфографии вынесен был смертный приговор. Тогда же тов. министра Герасимов разослав циркулярного предписавший покончить сразу и насильственно с золотыми буквами русской азбуки, что вооружило многих против реформы. Общественное мнение стало в оппозиции к орфографической реформе, и б. министру Мануилову зело досталось за циркуляр своего товарища...

Ярый сторонник реформы правописания проф. П. Н. Сакулин заявил, что новое правописание не должно вводиться насилием, посредством репрессивных мер сверху. Его надо проводить снизу, начав со школ грамоты, — тем более, что возникла-то мысль о новом правописании в недрах школы. Прежде всего и больше всех настаивали на нем народные учителя, земства и крестьянские депутаты в Гос. Думе.

В 1907 г. 300 депутатов Думы обратились в академию с заявлением, что считают „вопрос упрощения правописания неотложным“, ибо сложность его является значительным препятствием к распространению грамотности в массах...

Народу, вместо хлеба образования, дается камень орфографии...

То, чего не добились Мануйлов, Герасимов, академики, словесники и многие педагоги, сделано одним взмахом пера, стало совершившимся фактом, благодаря декрету нынешних властей, с большою легкостью меняющих стили, переводящих повсеместно стрелки часов назад и вперед и оставивших пока в неприкословенности времена года...

Новая орфография нуждается еще в дальнейшем усовершенствовании. Напр., замена *ы* буквою *ы* представляется излишней, как излишне двойное *ы*, в которой нуждаются иностранные языки, лишенные буквы *ы*. Даль еще в 1868 писал Ногодину, что „сдвоенная буква „ы“ забрела в слово „Россия“, из неметчины где нет нашего „ы“, где за него отвечает одиночное „ы“ (*s*), а сдвоенное — за наше *ы*.

Затем он доказывал, что, раз мы пишем от вес — веский, трясти-тряски, то и подавно от слова Русь должны писать руский, Росия.

Необходимо далее восстановить в правах гражданства излишнюю без достаточного основания крайне важную в нашем обиходе букву *и*. Но о ней, как и о многом другом — в следующий раз.

А. Евгеньев.

Что делается в литературе.

„14-е декабря“—Д. С. Мережковского

Не помню, какой из старых критиков шутил по адресу старых романистов:

— Роман (имярека) тем хорош, что благосклонный читатель ясно из него видит, что, примерно, Новгород пал не в силу таких-то политических соображений, как он имел неосторожность думать, а единствено потому, что боярин Кураслев зашил боярина Куродавлева, а пугачевский бунт произошел не из каких-то там социальных причин, как доказывали Семёновские или Мордовиновы, а только из того, что граф Понятовский за картами оказал графу Очерти-Головинскому: „вы не граф, а шулер!“..

Говоря без шуток, часто почти так и бывало: историческая канва сплеталась с вымыщенным романом так неумело, что стропила истории трещали, как в сибирскую стужу. Гениальный Толстой едва ли не лучше всех решил проблемму Колумбова яйца,—выведя собственно роман, быт, интригу за скобки и соединив в одной эпопее и „войну“ с историей, документом и тяжелой ее артиллерией, и „мир“ со всем прелестью Наташи и поэзней старорусского дворянского быта. И историк почувствовал себя удовлетворенным, и барышня из известного анекдота получила возможность „Мир“ читать, а „Войну“ пропускать.

Говорю все это к тому, что в новом своем произведении „14-е Декабря“ (которое, конечно, есть наша первая литературная радость после целого года томительного бесплодия), Д. С. Мережковский отступил от толстовской традиции. Не чувствует ли он сам, что роман не вышел, и не потому ли и не ставит на книге подзаголовка „роман“, помечая только общее заглавие трагедии „Царство зверя“ и включая на первые места „Павла I“ и „Александра I“.

„14-е Декабря“—это „Дело о декабристах“, рассказанное историком-художником „история в рассказе“, как бывали „биографии в рассказе“ (Авенариус о Пушкине, о Гоголе). Если вы хотите с наименьшем затратой труда узнать или освежить в памяти весь ход декабрьского мятежа, не перечитывая утомительно длинных и повторяющихся мемуаров декабристов, официальных донесений, переписки современников, от великих князей до случайного чиновника,—прочтите „14-е Декабря“. Ярко-антливый раскасчик изучил все это за вас, выискал вниманием историка, прощупал глазом художника, метко подчеркнул нужное, яркое, характерное, поймал солнечный блик где-то совсем на стороне,—воистину, как пчела, собрал мед отовсюду и сложил в свой сот.

И не бойтесь дать эту книгу тому, кто ничего не знает о декабристах, ничего не сможет проверить своим умом. Если Мережковский говорит, что Царь провел в роковой декабрьский день восемь часов на площади, то уже бесспорно, их было не семь и не девять, и, если у него отмечено, что 14 Декабря шел снег,—то можете не сомневаться: так записано у десяти мемуаристов. В книге исчертывающе освещены и речи заговорщиков, и день мятежа, и утешения приближенных царю, и Серафим на площади, и допрос арестованных, и беседа с пленными в казематах прикомандированного к ним поиска из Казанского собора, Мысловского, и зловещий день казни пятерых.

Но, если по прочтении этой поистине „достоверной повести“ вы спросите себя,—видите ли вы роковое событие русской истории в „мясе эпохи“, восстало ли оно перед вами в живом ходе исторического дня, в быте и воздухе дня, во всей полноте восприятия его народом, от петербургского салона до какой нибудь комнатки просвири, от Знаменья, курьера Михельса, кучера Созонта, в день казни возившего своих „господ“ в Большой театр, почувствовали ли вы—ну, скажем, в этот последний их день,—зловещий, духовно-холодный, по пилатски умытый руки Петербург,—если вы себя спросите об этом при всем предрасположении к прекрасному дару Мережковского, вы ответите—нет. Нет, как не находили собственно жизни народа в истории государства российского Гарамзина. Нет, и,

может быть, даже не поставлено было задачей труда. И не случайно, а намеренно вышло из подзаголовка маленькое слово „роман“.

Не удивитесь ли вы, например, тому, что в этой новой части трилогии на несколько десятков лиц есть только одно женское лицо, Маринка Толычева, позднее—жена Голицына, если не считать совершенно эпизодических появлений в одной главе ее бабушки-старушки Ржевской или в другой жены Трубецкого, известной книгини, последовавшей за мужем в ссылку? Можно быть Репиным и так великолепно, как он, написать Государственный Совет с живым, ослаждаемым Победоносцевым, и единственным затылком Голицына-Муравлина, но это все таки не картина, это—коллективный портрет.

В момент своей заговорщической увлеченности (да и была ли уж эта увлеченность?) Голицын был влюблён в Маринку. В „14 Декабря“ есть и их первая встреча, и объяснение, и жизнь после свадьбы. Почему же бы, кажется, и не быть роману? Но, конечно, не роман. Если хотите, отличный коллектический портрет, где у каждого исторического лица каждая бородавка и родинка на своем месте.

Не ведь роман—это картина, это полотно, на котором всеми цветами радуги играет солнце, прыгают веселые зайчики и бродят свинцовые тучи, и слышен женский смех, и плачут маленькие дети, и степенно строит карьеру чиновник, и в лайкойской пересуживает „господские“ дела лакей. В романе любят и посягают, болеют и умирают, рождаются и растут, интригиуют, сплетничают, ткут вымыслы и легенды. Жизнь не мужской монастырь,—в ней моментами властнее мужчины выдвигается женщина с своими то милыми, то досадными пустяками.

Если роман представить в виде спирали, то Мережковский суховато вытянул эту спираль, как струну. От его „единства действия“ могли бы прийти в восторг Аристотель и Буало. Здесь все—около 14-го Декабря, все для него. Помыслы всех только о нем,—ни шага в сторону. Того, кто хотел бы воспроизвести историю бунта, Мережковский точно боится затруднить чемнибудь посторонним.

Но зато вы и не видите, как по жуткому Петербургу ползет полусказка—полубыль о каких-то дерзивенных смельчаках, которые вывели темные полки на сенатскую площадь („почти никто не знал, кого и за что казнят,—думали, разбойников или фальшивомонетчиков“), не видите, как это выступление, потом эти допросы, потом эта казнь преломлялись в сознании тогдашних Пьеров Безуховых или Онегиных, аристократического общества, будущего Печорина, верноподданного Акакия Акакиевича, не слышите, чтò говорилось в эти дни в особенно на сей раз глухо прикрытом кабинете литератора из „либералистов“, который на беду мог еще состоять и в личном знакомстве хотя бы с Рылеевым, как ахали и перешептывались сослуживцы о Петре Мысловском, наконец, чтò выдумывал „безмолвствующий“ народ в казармах и людских.

Помню когда-то, давно, где-то в „Русской Старине“ старых годов прочитанный совсем безхитростный, но жуткий рассказ о том, как какой-то декабрист-офицер прятался в частном доме, первом попавшемся, где в нем приняли участие. Все забылось,—и его имя, и номер журнала, но запомнилось, и уж верно навсегда, волнующее настроение города, семьи, привившее в чужом пиру похмелье, и затравленного двуногого зверя, на стороне которого было сочувствие большее, чем на стороне царя, идущего на трон с картечью.

Не народное было событие, вышло из книги, пахло сильно переводом с французского, но—когда разыгралось, дошло же и до интеллигенции и до народа! И старая истина,—запретный плод сладок и всегда иском более дозволенного. Чем лучше было запрещение печати касаться события 14 Декабря, тем вернее шептали о нем на ушко, поглядывая на окна и косясь на двери. А передавать эту людскую мольбу умел Мережковский, и как хорошо она помнится, хотя бы по тем главам из „Александра I“, где в последние его дни народ идет сказку о попе с рогами, кажущем морду из алтаря или о шпице крепости, горящем кровавым с огнем!

Как спичка вырывает группу лиц из тьмы, так вырвал Мережковский из 24 и 25 года только то, что имело отношение к восстанию. На не-историка, на дилетанта истории от книги—впечатление изумительной точности, огромного изучения материалов. В этом смысле у Мережковского свое и единственное место среди наших исторических романистов,—место автора „Саламбо“—среди французских. Мозаичист среди живописцев, на некоторых страницах иконописец,—любовно, тончайшей, как иголочка, кисточкой выписывающий то чай нибудь старческий лик, то родную елочку. У него нет толстовского рельефа, нет той тайны, которая заставила бы вдруг видеть появившегося на одну минуту, на одной странице митрополита Серафима на площади,—у него есть нечто другое, почти столь же дорогое.

Один на другой, неторопливые, продуманные, ложатся мазки умелой кисти, и—встает образ во всем аромате времени. Пожалуй, всего Трубецкого или Одоевского вы отадите за эту маленькую эпизодическую старушку Наталью Кирилловну Ржевскую, воплощение старой николаевской дворянки, что чувствуется живьем из за каждой ее фразы.

— Должно ли трясти подкосом из того, что Фиделька кусает за икры (дворовую горничную Марфутку!...)

— Вся жизнь наша не что иное, как газардная игра...

— С 12-го года Москва деженировала... Ни сосете, ни вельможства...

И чем-то далеким, ушедшими, не от „Старосветских ли помощников“, веет от разговора с ней вседовольного идиллического, на манер плодомасовского карлика из „Соборян“, старишка Фрындина, пребывшего верным ее супирантом до седых волос, и не поймешь, шутит он над добной старушкой или и сам своей новости верит:

— Вот, матушка, в „Северной Пчеле“ пишут, будто китайцы учат обезьян щипать листья с чайных дерев, потому что-де лучше людей по сучьям лазают.

— Да ты все врешь! сомневается бабушка.—Этак я и чаю нить не стану, из обезьянок-то лап!

— Ничего, матушка, в трех водах у них лапки моют чистехонько...

Так некоторые эпизодические образы и страницы у Мережковского—великолепны. Будущий составитель хрестоматии возьмет у него и эту старозаветную бабушку и портрет Николая, и может быть, путешествие Мариньки и еще что нибудь о Мариньке, такой чистой, ясной,—милой сестрице Пушкинской Татьяны.

* * *

Новую книгу Мережковского не охватить в беглой заметке. О таких книгах пишут журнальные статьи, и их напишут, и от историков мы услышим, насколько верны портреты Николая, Константина, Милорадовича, насколько картины допросов совпадают с подлинными страницами мемуаров.

Дилетант чувствует правду многое,—правду чисто человеческого жалкого испуга в царе, первый день царства которого заливается кровью, правду „стоячей революции“,—трагической неспособности русских Рудиных сделать второй шаг протеста, сделав первый и выйдя с войсками на площадь. И дилетант, кой что сложивший когда-то в своей памяти, узнает в самой невероятной фразе всей книги—„в России есть пытка“,—подлинную угрозу, дословно запеченную одним из декабристов в свои записки. И выдержанно,—хоть и по образу, и по подобию самого автора,—дан образ Валериана Голицына,—того самого, с которым мы встретились на первой странице романа „Александра“.

Но и дилетант чувствует, как многое не возведено, не взлетело до психологической убедительности, не покоряет правдой художника в особенности там, где писателя может выручить только вдохновение, где на помоху умелой выписке приходит колдовская мощь постижения художника.

Кажется, что это неверно,—чтобы все декабристы были так „на одно лицо“, так гамлетствовали, так сплошь не верили в свой успех, и так ясно уже тогда, как ясно теперь Мережковскому, понимали свой „бунт на розовой воде“? Не слишком ли властует автором современное сознание исторической неудачи 14 Декабря, и этот итог не заслонил ли от него весь пафос, всю увлеченност горячих голов? Горячие головы так же не могли в канун выступления провидеть свой крах, как не могли

Николай 13-го Декабря сказать себе: „завтра, 14-го, я или государь или мертв“, роковое—историческое „четырнадцатое“шло для него обычным загадочным „завтра“ в тумане неведомого.

Так не верится дальше в обобщение декабристов в мистическом чувствовании своей миссии. Пусть таков Голицын, образ и подобие и отражение автора-богоискателя, и пусть понятны в нем столь любимые самим Мережковским подсказы Апокалипсиса о звере из бездны, но и у Рылеева те же немые ссылки на евангелие („отчего душа моя прискорбна даже до смерти“), и у Оболенского речи о Марфе и Марии, и Оболенский мыслит Николая тем же апокалиптическим зверем. В книге Мережковского суплер говорит слишком громко.

* * *

Только критик-историк с книгами в руках рассеет сомнение читателя, подлинно ли так решительно-подло, а главное—так нетонко лгал и лисил Николай, допрашивая Рылеева, и мог ли обольститься певец „Войнаровского“ столь грубой и неискусной подделкой растроганности. Историк заставит нас принять или оспорить поведение Рылеева, Трубецкого и Одоевского при допросах, уяснит роль протопопа Мысловского, (пожалуй, чрезмерно выдвинутого в последних главах,) который так и уходит от нас в смутной двойственной окраске не то архиплута и шиона, не то прозревающего Никодима. Между тем история занесла на свои страницы действительное дерзновение Мысловского, рискнувшего (тогда-то!) отслужить в черных ризах панихиду по пяти казненным вместо того, чтобы пойти на официальный „очистительный“ молебен с митрополитом.

Но оставим историкам ставить нота-бене там, где, может быть, впечатлительная душа вздохнет, умилится, вознегодует или взмолнется. Несомненно таких найдется не мало,—и самый сюжет так благодарен, и писательское мастерство Мережковского утончено до лезвия шпаги. Чудесный, свой стиль сложился у автора трех трилогий,—кованный, музыкальный, в то же время без всякого выкрутаса в духе Андреев Белык, местами томный, говорящий о какой-то преемственности, но с каким уточнением! от томного, задушевного и напевного стиля Карамзина.

„14-ое Декабря“ во всяком случае—самое яркое, самое интересное сказание о тех достопамятных днях из всех, что мы имеем в нашей художественной литературе, не исключая и нескольких неудавшихся и брошенных глав, написанных рукой нашего Гомера. Дух мятежа, немножко книжного, по преимуществу головного, схвачен Мережковским метко, из исторического документа извлечен весь его мед, и, если перед вами не столько полотно, воскрешающее эпоху, не столько роман, сколько хроника,—то из сумрака прошлого на вас смотрят живым взглядом и самодержец-самозванец, и Бенкendorf с Милорадовичем, и Муравьев с Голицыным, и славная бабушка Ржевская и прелестная Маринька, способная уяснить странное чудо, как из кисейной девушки 20 годов могла создаваться героиня, уходившая за любимым человеком на ужас сибирской катоги.

A. Измайлова.

Чем заняты наши писатели.

Наше безвременное разединило писателя и читателя. Существовавшие раньше нераздельные узы как-бы порвались, исчезли; образовались два мира, интересы которых кажутся различными. Одному до другого нет дела, всякий сам по себе...

Однако, это не совсем так. Сложность современной жизни, когда повседневные заботы ограничиваются поисками „хлеба насущного“ и главная работа мысли идет в этом направлении, естественно, отодвинули несколько на задний план интересы высшего порядка.

Узы-же между писателем и читателем, всетаки, сохраняются; только связующие нити стали менее заметны, почти невидимы.

И, вот, в минуты редкого просветления, оба мира ищут друг друга.

Одни мечтают прочитать такого-то, знать что делает другой, пишет ли третий и т. д.

Соответственны переживания и писателя. Его неудержимо тянет к „своей“ работе, к „своей“ аудитории,—„говорить хочется“.

„Там внутри“, иногда урывками от мелких, будничных забот, идет неустанная, большая творческая работа. Люди работают „для будущего“.

Если не сейчас, то когда нибудь изменятся условия и снова сойдутся разъединенные—писатель и читатель.

Не верить в это—жить не стоит. А, ведь, вы знаете—„вера горами движет!“

Так стоит—и жить, и работать!...

Н. П-ский.

* * *

Мы обратились и обращаемся снова ко всем нашим товарищам—писателям с просьбою доставить нам сведения о себе. Оставшихся в Петроградской голодовке не много и, разумеется, как бы ни была велика безработица писательская,—все равно литератора тянет к столу и перу.

Когда мы обратились к Вас. И. Немировичу-Данченко с вопросом, чем он занят был в последнее время, то оказалось, что за этот год безработицы, точно заслоняясь от тяжелых условий жизни, Вас. Ив. написал около тридцати очерков и рассказов, на половину принадлежащих автобиографической беллетристике, несколько воспоминаний под общим заголовком: „Забытые кладбища“ о некогда игравших крупную роль людях, с которыми его сближали обстоятельства.

— Не задумали-ли вы крупного произведения,—спросили мы В. И.—вроде ваших прежних больших романов? На предложенный нами вопрос последовал ответ талантливого и отзывчивого писателя:

— Еще бы! Россия пережила величайшую эпоху своей истории. Эти годы можно сравнить только с переворотом Петра Великого. И судить их по повседневной летописи—нельзя. Иначе мелочи, трагические или непонятные, заслонят громадное целое, какое я только смутно намечивается в будущем раскрепощенного народа.. Писатель всего больше работает тогда, когда всем кажется, что оно ничего не делает. Складываются схемы, характеры, создаются в воображении картины, параллели. Когда садишься к столу, то в общем роман уже готов. Его только переписываешь, поправляешь, одевашь остав красками и образами. Такой и у меня готов, но надо стать в стороне, отойти от событий, чтобы самого себя не упрекнуть потом в неверном отношении к делам и людям. Да, роман в замысле готов, но удастся ли мне написать его первую строку? Не забывайте: мне 75 лет. Семь с половиною земских давностей пережито, а время голодное.

Сверх этого я занят большим трудом. Вы уже слышали о первом опыте народной хрестоматии: „Сокровища Русского Слова“. Я состою в ее редакционной коллегии. Это моя давнишняя мечта,—дать такую энциклопедию отечественной, художественной, критической, публицистической, научной и ораторской литературы. Своего рода багаж, владея которым, каждый из новых приобщившихся к нашей культуре читателей мог бы уже, не оглядываясь и не тратя времени на подготовку, идти дальше к великим целям общей отечественной работы.

Но... опять досадное „но“.

Удастся ли мне закончить это?

Повторяю: мне 75!

Я уже у предела, через него очень редкому из наших писателей удавалось переступить, не споткнувшись в черную яму, которая еще на этих днях поглотила так много из дорогих товарищей... Во всяком случае, я не сойду с поста, в ожидании смены. Ведь во всю мою пятидесяти семи летнюю работу я не знал отдыха. Судьба не дает мне такого и теперь. Я и уезжая на юг—не отдохнул, а продолжал свое дело. Но там, по крайней мере, я наливался солнцем. А теперь никуда не двинешься отсюда, из нетопленных комнат голодного жилья.

* * *

Вот еще доказательство, что рассуждения о бездействии наших писателей не совсем основательны. Маститый драматург П. М. Невежин, так много и так успешно поработавший для театра и литературы, несмотря на свое приближение к концу восьмого десятка жизни и болезнь, приведшую его к переселению из квартиры в клинический госпиталь, не кладет своей писательской палитры. Уже в больничной палате он написал новую пьесу, всецело относящуюся к современным событиям,

Действие развертывается на фоне деревенской жизни и в первом акте живописуется столкновение старых и новых понятий.

К старику отцу, отставному фельдфебелю, возвращается сын, солдат распавшейся революционной армии, побросавшей на поле браны оружие и показавшей спину врагу. Встреча была не только суровой, но и более чем враждебной. Старый вояка-фельдфебель никак не мог понять самую возможность такого поступка со стороны русского солдата—и отсюда соответствующая отповедь сыну. В свою очередь и сын не мог понять необходимость защиты „империалистской“ войны в угоду буржуазии старых порядков и возможности новых.

С первого же акта в действие входит элемент драматизма. В третьем акте—деревенский политический митинг.

Пьеса, как сказано было, закончена уже, и остановка за перепиской ее, препятствие, как оказывается, не шуточное...

— Вот если он перепишет,—грустно острит П. М., указывая на соседа по койке, молодого врача,—так сдам, а иначе... Сам не могу уже...

Вообще, П. М. несмотря на болезнь и некоторое ослабление сил, вследствие „современных обстоятельств“ и возраста, настроен довольно бодро. Жалуется только на одиночество и забывчивость друзей, не посещающих его в клинике, несмотря на отсутствие каких либо причин к этому. Не примирял он, между прочим, указать и на удел русского писателя под старость: больничная койка...

* * *

Не стареющийся, такой-же бодрый, только с более серебряющейся головой Л. Г. Дейч работает, не покладая рук. Дело ему по душе—разбирает и готовит к печати материалы из бывшего архива департамента полиции о Плеханове, Вере Засулич и вообще, о Российской соц.-дем. партии. Материалы полны захватывающего интереса. Будет очень жаль, если по техническим условиям их не удастся скоро выпустить в свет.

Не менее интересны также готовящиеся Л. Г. Дейчем к изданию письма и переписка Плеханова и Льва Тихомирова с Ларовым по поводу издания заграницей „Вестника народной воли“.

Кроме этого, Л. Г. готовит для издательства „Задруга“ ряд работ под общим названием „В революционном движении 70-х годов“. Сданы уже первые две главы и третья—„Как мы ходили в народ“.

Груд этот составит три или четыре тома. Для „Историко-революционной библиотеки“, под ред. П. Е. Щелогева, Дейч написал: „Воспоминания о Кравчинском“, „Хождение в народ“ и „Выдающиеся эмигранты конца 19 века“; для „Былого“—„Степанович в партии народной воли“, а для московского „Голоса минувшего“—„Почему я стал революционером“.

В самое последнее время Л. Г. приглашен работать в журнале, издающемся Центральным рабочим кооперативом в Москве. Здесь Л. Г. поместит ряд очерков о рабочих—революционерах последней четверти XIX века.

— Работы очень, очень много,—говорит Л. Г.—только бы времени хватило, да скорее улучшились бы типографские условия.

* * *

Гатчинский „ведиенец“ А. И. Куприн не терял времени даром в своем уединении. Поэзия давнишняя мечта А. И., и он отдался ей. На днях им закончен перевод „Дон Карлоса“, Шиллера, в стихах, предназначающийся для Шаляпина. Шаляпин выступит в роли Филиппа, вероятно, в будущем сезоне, так как хочет основательно изучить роль.

А. И. написал и несколько рассказов и теперь готовится выступить с публичными лекциями о Чехове.

* * *

А. М. Ремизов творит урывками. У него много времени отнимает „служба“ в театральном отделе комиссариата народного просвещения, где он работает в секции по пьесам.

„Есть нужно, работать нужно“. Хоть и не вполне это его дело, а ничего не поделаешь, такова действительность.

А. М. закончил большую повесть „Ров Львиный“, ожидающую своего издателя, и написал несколько мелких очерков. Теперь он работает над пьесой „Китоврас“.

— Медленно подвигается, приходится расбрасываться, жалование маленько, совместительство запрещено, а жить нужно...

А. А. Измайлов почти закончил большую монографию „Лесков и его время“, представляющую по размеру том. меньше книги о Чехове. Фигура „отверженного писателя“ мятежника, еретика и вечного противника в литературе с момента появления „Некуда“, дана здесь, на фоне 60-х гг., в более свободном его освещении, чем это было возможно в России ранее по цензурным условиям. В руках исследователя—многочисленные архивные материалы Лескова, доселе никогда не видевшие света.

* * *

Ф. К. Сологуб редактирует в настоящее время полное собрание сочинений Мопассана, как А. В. Амфитеатров—нескольких итальянских авторов и А. Л. Волынский—немецких, и в одну из ближайших очередей—„немецкого Шекспира“—Гауптмана.

Среди книг и брошюр.

„Еврейская Старина“. Сборник статей за 1917—1918 гг., изданный евр. историко-этнографическим обществом, под ред. С. М. Дубнова. Том X. Петгр. 1918 г.

Редакция издаваемой евр. историко-этнограф. общ. вом „Евр. Старину“, приостановленной, вследствие цензурных затруднений и типографской разрухи, выпустила, взамен журнала, сборник статей. За последнее время в жизни русского еврейства произошли кошмарные события, послужившие предметом статьи, заглавленной „Из черной книги российского еврейства“... „Из черной книги российского еврейства“—так мог бы быть озаглавлен весь лежащий перед нами сборник, ибо в нем, в ряде статей, повествуется о тяжелых переживаниях многострадального еврейского народа в разные исторические эпохи “вплоть до наших дней. Почва, на которой евреи жили в России и Польше, и которая пропитана их кровью, на наших глазах обагрена потоками свежей евр. крови.

Сборник открывается интересною монографией Стеклицкой-Терешкович о первом ритуальном процессе в России в 1702 г. Эта кровавая легенда послужила канвой для очерка „Жидотрапезие“ покойному Костомарову, украсившему историческую хронику свою беллетристическою фантазией во вкусе „Нового Времени“, сотрудник которого он тогда состоял. Ритуальные обвинения занесены были в Россию из Польши, где, в свою очередь, они были заимствованы фанатическим католическим духовенством из глубины средних веков с их инквизиционными процессами.

Но нам незачем уходить в глубь средних веков для изучения ритуальных дел. На наших глазах еще так недавно воскрешались ритуальные наветы и причиняли евреям столько страданий. Вспомним дело Бейлиса. В последнюю войну, на ряду с другими наветами, пущенными в ход—одними для оправдания своих военных неудач и бездарности, а другими для отвода глаз от собственного предательства и измены, фигурировала и ритуальная легенда. К наветам прикладывали свои руки многие, начинная от самого главнокомандующего и его близайших помощников и кончая обывателями, особенно из подонков польского населения. Любопытно, что чаще всего обвинения в измене против евреев распространялись там, где подвизался общепризнанный изменник и предатель Масоедов. Наветы надали на благодарную почту и дали обильные всходы. Об этом свидетельствуют груды развалин в населенных евреями местах, тысячи могил по пути следования перегонявшихся с места на место мнимых изменников. В этих могилах покоятся преимущественно прежде временно сождшие в них замученные старики, женщины и дети, ибо евреи другого возраста, в количестве свыше полутора миллионов, проливали в это время свою кровь на театре военных действий, сражаясь за родину, где так зверски расправлялись с их близкими.

Знакомясь с документами и фактами, собранными в статье „Из черной книги“, удивляешься недобросовестности одних и невежеству и глупости других. „Мир желает быть обманутым“... Разве не на глупость и невежество рассчитаны были все эти басни об отправлявшемся немцам золоте—в гробах, под гусиными кожами, в земле и т. д. и т. п.

в Германию на аэропланах, о сигнализировавших мельницах и о телефонах в животах коров!... Легенды насаждались и официальной литературой, и с амвонов костелов и церквей, и передавались из уст в уста. Одна провокационная анкета высшей военной власти об отношении солдат-евреев к войне—чего стоит и стоила им! Евреи объявлены были вне закона, и их можно было безнаказанно истязать, убивать, насиливать, грабить и гнать с места на место, брать у них, у собственных подданных, заложников, отвечавших своею жизнью за предательство чужих изменников. Очевидцы рассказывают о тысячах изнасилованных, на глазах начальства, отцов и мужей, казаками и солдатами женщин, старух и подростков, о сходивших с ума и утопившихся жертвах этих расправ и т. п. ужасах, от которых кровь стынет в жилах...

Но вернемся несколько назад—к царствованию предпоследнего Романова—Александра III, которого услужливые историки произвели после смерти в „миротворца“.

Редактор сборника С. М. Дубнов рассказывает о гонениях и ограничениях, которым подвергались евреи в царствование „миротворца“ и которые вызывали ропот и возмущение в Европе, особенно в Англии. Знаменитое выселение из Москвы 20 тысяч евреев сопровождалось теми же картины, которые нарисовали нам очевидцы таких же выселений в последнюю войну. Немощные старики, больные женщины, содержавшиеся в больницах, выгонялись в лютые морозы на вокзалы и отправлялись этаинским порядком в черту евр. оседлости, куда многие и не добрались...

Но довольно этих ужасов недавнего и далекого прошлого! Какоюто идилию веет от рассказанного в той же книжке эпизода из истории русских евреев—приглашения Иоанном III в Москву некоего Захария, князя Таманского, которого сам предшественник Романовых называет „евреином“. Оставляя в стороне спорный вопрос, действительно ли князь был „евреином“, нельзя не воздать должного религиозной терпимости царя, настойчиво зазывавшего к себе на службу „евреинина“, обещая ему всякие блага и посылая ему на встречу неоднократно почетную охрану... На фоне отношения к евреям преемников царя Иоанга эпизод, о котором мы здесь говорим, вырисовывается особенно ярко.

Мы не исчерпали всего содержания разбираемого сборника, в котором найдут не мало любопытного для себя и любители более древней старины...

A. E.

Рожков, Н. Методика преподавания истории и истории XIX века. Изд. отдела подготовки учителей. Петроград. 1918. in 4°. 268 стр. Ц. 8 р.

Вот безусловно интересно задуманная и удачно исполненная работа, носящая на себе печать живой и деятельной мысли. Чувствуется трепет подлинной жизни в этом курсе лекций, прочитанных в сентябре 1918 года в Педагогическом Институте. Отсюда, впрочем, и значительная недоделанность в литературном отношении этой темпераментной и с знанием дела составленной книги. Особенно удачны главы, посвященные применению исторической критики в школьном преподавании истории и всем вообще, методологическим указаниям, а также страницы, отведенные истории России. Последние, правда, скорее очерк истории общественной мысли и, притом, очерк исключительно с точки зрения ее социально-экономического содержания. Начав с жизни декабристов, автор сводит обзор к изложению идеологии немногих отдельных лиц (Герцен, Чернышевский, Писарев) и главнейших революционных направлений. Очерк заканчивается беглым выяснением важнейших политических событий двух последних десятилетий. Все это хотя и изложено весьма занимательно, но недостаточно полно и обстоятельно.

Книга Рожкова прочтется всеми с большим интересом и, несомненно, составит солидный и своевременный вклад в нашу небогатую педагогическую литературу истории. Издана книга по нынешнему времени прекрасно.

В. Святловский.

На книжной выставке.

Политические события переживаемой эпохи сильно повлияли на судьбу нашего печатного дела.

Интересующиеся этим вопросом могут получить богатый осведомительный материал на открывющейся вскоре в Книжной Палате книжной выставке.

Там найдут себе место все произведения печати, вышедшие в 1917 и 1918 г. г.—книги, журналы, газеты, брошюры, листовки, политические плакаты и т. д. Целый ряд таблиц и диаграмм будет иллюстрировать со всех точек зрения влияние февральского и октябрьского переворотов на книжное и газетное дело.

Дофевральской период характеризуется бесцветностью газет, в громадном большинстве случаев имевших характер националистической прессы. Февральский переворот почти в три раза повысил число газет, появившихся в захолустных уездных городках и даже селах, (слобода Михайловская) в 1917 году. Политическая окраска в первый месяц после февральской революции почти исключительно эс-эрсовская. Вскоре начинает преобладать и наконец, доминирует над всеми остальными направлениями большевизм.

Интересно отметить, что в Царицыне одно время выходили два официальных органа Царицынского Совдепа. Один принадлежал партии большевиков, другой партии меньшевиков. Газеты правого направления после февральского переворота исчезли, но не вследствие репрессий: сами типографии отказывались их печатать.

Октябрьский переворот имел одним из своих следствий резкое падение числа выходящих газет. Меньшевитская, кадетская, н. с.-ская печать непрерывно хиреет и наконец, в январе окончательно прекращает существование.

Что касается книги, то в 1917 г. преобладала политическая литература. После июня 1917 г. появилась и толстая книга в этой области.

1918 год характеризуется малым количеством вышедших книг, большей их серьезностью и основательностью; заметно преобладание переводных, а не русских трудов и статей.

С половины 1918 года книжное дело терпит резкий ущерб, и число выходящих в свет книг сильно падает. Особенно достается научной книге. Рынок заполняется почти исключительно издательским отделом Комиссариата Нар. Просвещения.

Библиографические сборники.

В Книжной Палате начинается большое широко задуманное дело создания специальной библиографической библиотеки, в которую войдут разнородные энциклопедические словари, справочники и труды по библиографии. Каждой из наук будет отведен свой специальный отдел, где, по возможности, будет дан исчерпывающий материал относительно данной научной отрасли на книжном рынке, как в России, так и заграницей.

В основу новой библиотеки положена библиотека Савтова, бывшего помощника директора Публичной Библиотеки.

В библиографической библиотеке литература о каждом из наших писателей будет зарегистрирована со всевозможной полнотой и тщательностью. Так труды о Пушкине занимают специальную полку. Тоже самое и о целом ряде других писателей.

Библиотека имеет задачей ити на встречу решительно всем научным изысканиям и работам, предоставляемым для этого все возможные удобства.

Об интеллигенции.

(Письмо со стороны).

Велика трагедия, пережитая и переживаемая русскою интеллигенциею. О ней свидетельствует, между прочим, отнюдь не отличающаяся полнотою скорбная летопись „Вестника литературы“. Это целое кладбище русских интеллигентов, писателей и ученых, умерших от голода или от болезней, осложненных на почве голода. Революция в ее более острой форме застала русскую интеллигенцию врасплох. Лишь немногие приобщились сразу к новым условиям русской жизни, соблазнившись материальными благами. Другие заняли выжидательную позицию, а трети просто

устраились от своего обычного дела, „саботировали“, как нынче выражаются, обрекши себя на всякие невзгоды, лишения, на безысходную нужду и голод, увеличивая с каждым днем ростущий мартиролог русской интеллигенции. Кроме самоустранившихся, были и устранные: мы говорим о выброшенных на улицу сотрудниках, так наз., несоветской печати, оставшихся за бортом с закрытием ряда изданий.

Трагически окончивший свою жизнь автор превосходной книги „Вымирающая деревня“ мог бы написать теперь вторую книгу — о „вымирающей“ интеллигенции...

И этой вымирающей интеллигенции посыпали в догонку обвинения в измене и предательстве по отношению к народу!...

— Вы лицемерно—говорили им—распинались, якобы, за народ, его счастье и благо, за „народоправство“, а когда народоправство иначе провозглашено, вы устранились и шмыгнули в подворотни...

— Но подлинное ли „народоправство“ водворилось теперь? — отвечала интеллигенция.—Ведь вы сами не перестаете жаловаться на „примазавшихся“ к вам мнимых коммунистов из вчерашних слуг старого режима, готовых служить всем богам!...

— Так ступайте же вы к нам на места „примазавшихся“, и нам не придется пользоваться услугами этих „примазавшихся“ коммунистов...

Мы избавимся от всяких подозрительных элементов, бандитов и авантюристов... „Чтобы очищение было полное и быстрое—писал В. И. Ленин 27 марта в московской „Правде“—надо, чтобы искренняя беспартийная интеллигенция помогала нам в этом“...

— Способы и приемы водворения народоправства нам не по нутру,—говорил пишущему эти строки старый, убеленный сединами, заслуженный профессор, проповедывавший с кафедры своей истинное народоправство еще в эпоху царизма и слышавший у тогдашних властей „политически неблагонадежным“.

И интеллигенция, и ее противники из той же собственно интеллигенции стояли долго спинами друг к другу.

Но время делает свое дело...

Знаменитый митинг в Таврическом Дворце под председательством М. Горького явился одним из красноречивых показателей зародившейся потребности в сближении между правящей властью и интеллигенциею.

Этому митингу предшествовали кое какие откровения ранее других „приобщившегося“ М. Горького на состоявшемся у него собрании одной организации с участием представителей разных интеллигентных сюзеренов.

Упомянув о некоторых фактах и кошмарных явлениях из современной действительности, от которых, по его выражению, у него уши синели, когда ему о них рассказывали, А. М. призывал интеллигенцию к сближению с властью. Интеллигенция, по его словам, встретит широко раскрытые об'ятия.. Примирение с нею желательно и необходимо. Это раньше всех признал Ленин. „С апреля 1918 г., если не раньше—писал Ленин в моск. „Правде“—мы и проповедывали от имени партии и от имени власти необходимость предоставления интеллигенции лучших условий работы. Если бы мы и направляли на интеллигенцию, нас следовало бы за это повесить“...

В то время, как некоторые „непримиримые“ из заправил профессиональных союзов не находят, напр., возможным пускать в свою среду писателей-членов писательских профессиональных же союзов, ибо они работают не только руками, не мозгами, чтò повидимому, является минусом, Ленин высказался однажды, что в книге он ценит труд писателя выше труда наборщика...

Как бы то ни было, сближение интеллигенции с властью имущими началось. Стоявшие друг к другу спинами стали смотреть друг другу в лицо. Люди науки поняли, что в деле просвещения народа итальянские забастовки и так. наз., саботаж неуместны.

И в начавшемся сближении главную роль сыграл комиссариат народного просвещения своею готовностью идти на встречу всякому просветительному начинанию, всем деятелям науки, и не одной науки, не и литературы, всегда отстаивавшей дело просвещения народных масс. К желтому зданию у Чернышева моста шли и идут охотно и люди, которых раньше не подпускали туда на пушечный выстрел. В приемной у комиссара З. Г. Григорьева вы увидите и заслуженных, и молодых ученых, и писателей, и художников, и скромных провинциальных учителей. Все

встречают тут самый благожелательный и приветливый прием, внимательно выслушиваются, всякая просьба—касается ли она какого либо просветительного начинания или лично просителя, по возможности, немедленно удовлетворяется.

К комиссару обращаются и с просьбами по делам, находящимся в ведении других комиссариатов, и он отличающе его благожелательностью выступает ходатаем за просителей пред своими коллегами.

Бот Мафусайл русской науки—Таганцев явился хлопатать об охранительной грамоте для его архива и библиотеки. Его сменяет скромный просветитель в сером френче из какого нибудь медвежья уголка, а за ним популярный деятель и златоуст А. Ф. Кони. Далее—группа профессоров, депутатия, состоящая из публицистов, беллетристов, драматургов и поэтов, нашедших искреннего ревнителя их нужд в лице комиссара, много сделавшего и продолжающего делать для облегчения их бедственного положения денежными выдачами и ходатайствами пред комрподом об их продовольственных нуждах. И не одного писателя и ученого удалось уже вырвать из когтей голода и спасти от смерти, благодаря щедрой помощи из комиссариата.

Но помочь интеллигенции оказывается и созданием для нея возможности применять свои знания и дарования на пользу народа. Возникло много новых учреждений, институтов, курсов. (высший фотографический и фототехнический институт, Рентгенологический и Радиологический институты, курсы живого слова всякие дошкольные и внешкольные курсы, дневные и вечерние, и т. п.)

Основанное при комиссариате просвещения крупное издательство с М. Горьким во главе мобилизовало для осуществления своего грандиозного издательского плана очень многих бездействовавшие раньше литературные силы, избавив не одного писателя от необходимости пользоваться благотворительными подачками, из скучных литературных фондов. Многие нашли подходящую для себя работу в возникшей при том же комиссариате „Книжной палате“, в архивных комиссиях и т. п. учреждениях, в пролеткульстских организациях, кинематографах, в качестве конференсъ...

Трудно было бы перечислить все те культурные начинания, которые вызваны к жизни и создали широкое поле деятельности для „приобщившейся“ интеллигенции. К работе в деле просвещения, кроме ранее подозвавшихся на этом поприще людей, привлечены и новые силы.

И можно смело сказать, что на фоне современной действительности комиссариат просвещения вырисовывается в самом выгодном свете. Будущий историк и не из большевиков воздаст должное стоящим ныне во главе комиссариата просвещения...

Беспартийный

О союзе деятелей худож. литературы.

Пишу эти строки и Анастасия Ник. Чеботаревская сочли необходимым выйти из состава членов Союза Деятелей Художественной Литературы по следующим основаниям:

Мы принимали ближайшее участие в основании этого союза. Когда союз деятелей художественной литературы, после нескольких учредительных собраний при нашем постоянном участии, сконструировался, первою нашей задачею мы считали присоединение постоянного помещения для союза, для устройства столовой, кооператива, читальни, библиотеки, помещения для разных литературных единений и приюта действительно нуждающимся товарищам. Особенно много труда и энергии потратила на это А. Н. Чеботаревская. Бывший особняк Гинзбурга, где теперь помещается союз, был уступлен союзу не сразу,—местный совдел склонен был оставить его для своих надобностей, так как нуждался в помещениях, и только благодаря хлопотам и настойчивости единолично А. Н. Чеботаревской это помещение Комиссариат Внутренних Дел предоставил союзу. Дом должен был быть использован под литературные учреждения, а не под квартиры отдельных лиц,—так смотрели мы вместе с Кондурушкиным, принимавшим близкое участие в создании союза. Дом

окончательно был передан союзу 1-го Июня 1918 г., затем нам пришлось срочно выехать в Кострому. В течение лета мы поддерживали постоянную деловую переписку с секретарем Трахтенбергом, при чем не скрывали своей неудовлетворенности бесдеятельностью союза. А. Н. Чеботаревская предупреждала, что тотчас по возвращении она приступит к демократизации союза, к устройству лекций, столовой, библиотеки и т. п. Однако, практические указания наши игнорировались, а настойчивость привела к тому, что Совет решил считать нас выбывшими из его состава под тем оригинальным предлогом, что мы не представили уважительных причин нашего летнего отсутствия. Вернувшись в Петроград, я прямо с вокзала отправился на заседание Совета, а на другой день, едва войдя в залу заседания, мы услышали чтение доклада, в котором мотивировалось наше летнее отсутствие, как предлог для увольнения из членов совета. Мы убедились здесь на фактах, что ничего не делается, кроме обслуживания личных нужд вселившимся в дом группы. Столовой не было, хотя продукты из Управы поступали, ни библиотеки, ни читальни; просто освещались, отапливались и кормились наличные члены совета, имевшие все различного вида заработки; расходы производились совершенно непроизводительно, дрова не были закуплены, летом тратили на электричество до 1.000 руб. в месяц; никаких публичных собраний и выступлений в доме не происходило. Все это крайне изумляло и возмущало нас, как лиц, хлопотавших о доме в интересах писательской массы, а отнюдь не для того, чтобы в нем устроились на беспечальное житье несколько лиц, при том совершенно не подходящих под рубрику „нуждающихся“.

Попытки изменить положение вещей и напомнить союзу об его профессиональных обязанностях ни к чему не привели. Совет упорно продолжал свою линию и, встречая в нас оппозицию, всячески старался устранить нас от участия в делах. С этой целью они придумали почтить меня совершенно лишним званием почетного председателя, фактически подставив на место действительного председателя лицо, более для них удобное. Так как, однако, писателям было известно, какое близкое участие принимали мы в организации союза, то дальнейшее пребывание заставило бы нас нести на себе моральную ответственность за положение вещей, которое мы считали по совести совершенно антиобщественным и не отвечающим нашим понятиям о задаче профессионального союза. Мы решили выйти совсем из союза, о чем заявили публично письмом в газеты. Напрасно члены совета утверждали, что причиной нашего ухода был инцидент на собрании 15-го Октября, но и весь то инцидент был лишь проявлением нашего справедливого негодования на поведение наших „сотоварщиц“, которые, получив и дом, и готовую организацию из наших рук, но стремясь освободиться от всяческого контроля, решили не стесняться средствами и сделать наше участие в союзе психологически невозможным. С этой целью они попытались было сообщить на общем собрании совершенно ложные сведения о неясности состояния кассы после нашего отъезда, в чем, впрочем, они публично вынуждены были сознаться. Весьма несложная кassa велась под моим наблюдением и вся наличность 1.334 руб. была передана А. Н. Чеботаревской временно принявшему на себя обязанности казначея Гумилеву, в чем у меня имеется расписка. Таким образом, вся эта попытка явилась злостной клеветой, преследующей все ту же определенную цель. Однако, и по нашем отъезде не было заявлено никакой отчетности, а между тем, было получено на содержание дома от доверенного Гинзбурга несколько десятков тысяч, а так-же и от Ком. Нар. Просв. несколько тысяч; все это получалось и тратилось достаточно бесконтрольно, равно как и полученные затем в течение зимы 1918—19 гг. несколько сот тысяч от того-же Комиссариата, от Луначарского и М. Горького. Деньги раздавались в виде авансов за „будущие“ произведения, а также тратились на обслуживание личных нужд поселившихся в доме,—повторяю, такая трата казенных средств не могла не поражать всякого лично не заинтересованного. Самое же намерение избавиться от наиболее деятельных своих сочленов и основателей союза только из за опасения контролера не могло не произвести на нас самого отталкивающего впечатления,—мы реагировали на это резким выходом из залы заседания и мотивировали письмом в газету.

Не могу не отметить грубейшего нарушения товарищеской

дисциплины при производстве выборов в редакционный коллектив предполагавшегося „Альманаха“; заседание было назначено в 7 час., но господа Слезкин, Муйжель и Гумилев решили выбрать самих себя получасом раньше до моего, как председателя, прихода.

Из вышеизложенного ясно отсутствие признаков какой-либо общеполезной деятельности в союзе; однако, члены его освобождались от ряда общегражданских повинностей, что также коренным образом противоречит моим и М. Н. Чеботаревской понятиям о задачах профессионального союза. Подобные профессиональные организации должны создаваться, по нашему убеждению, не в целях „самоокапывания“, а ради правомерного, проникнутого единой товарищеской дисциплиной, профессионального единения. Мы утверждаем, на основании вышеизложенного, что союз деятелей художественной литературы ничего подобного не осуществляет.

После нашего выхода мы продолжали внимательно следить за деятельностью названного союза; деятели его, не стесняемые уже ничьим контролем, „распоясились“ во всю: без конца и счета требовали и получали деньги, перебрав за зиму несколько сот тысяч от Ком. Нар. Просв. и через М. Горького, которого я, после моего выхода, счел нужным предупредить о своеобразных тенденциях этого союза. Средства народной казны расходовались членами союза все на те же „авансы“ да на личное содержание той-же группы вселившихся в дом господ Слэзкиных, Муйжелей и др. Столь странные привелегии на беспечальное житие нескольких лиц являлись ничем не оправдываемыми на фоне тех по истине трагических условий, в которых приходилось существовать большинству Петербургских писателей в эту мрачную зиму. Однако, моральное безразличие окружающих ко всему происходящему только поощряло их; ведь многие знали обо всем этом, но никакого общественного осуждения этот союз не встречал и продолжал беспрепятственно развивать свою плодотворную деятельность, пока, наконец, в конце апреля не выплыл на свет инцидент почти уголовного характера; именем союза один из его членов господин Слезкин реквизировал квартиру штальмейстера Федосеева, причем часть вещей перевез в помещение союза и там занялся их распродажей.

Безнаказанность даже и в этом случае этих своеобразных „деятелей литературы“ обяснялась отчасти тем, что они, формально состоя на службе в советских учреждениях, пользовались различными привелегиями и ускользали от ответственности, прикрываясь иммунитетом „Советской платформы“.

Все это делалось под флагом „Союза“, как общественной организации, между тем, действия как отдельных членов, так и всего совета, были проникнуты слабо замаскированными шкурничеством и эгоизмом. Считаю весь характер деятельности этого совета дискредитирующим самую идею общественных организаций, основанную на ответственности и взаимопомощи“.

Федор Сологуб.

СКОРБНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

Памяти К. К. Арсеньева.

Только-что по телефону сообщили мне, что сегодня в ночь на 24-е марта безболезненно почил Константин Константинович Арсеньев. Смолк колокол общественной правды, ежемесячно в „Вестнике Европы“ освещавший вопросы жизни и по силе возможности их разрешавший.

Мыслящие читатели „Вестника“, получая новый номер, неуклонно обращались, прежде всего, к отведенному Арсеньеву уголку, чтобы услышать этот пульс общественно-государственной правды. Знали они, что жив еще хранитель заветов общественного развития. Жива общественная совесть.

И смолкла она теперь, смежила свои веющие уста.

Над неостывшим еще прахом преждевременных суждений. Коса смерти срезала уже давно налившийся колос жизненной мудрости. Но от этого утрата не легче.

С маленького пригорка „Кассы Взаимопомощи Писаторов и Ученых“ мы можем, глядя на недосягаемый полет его кристального духа, сказать одно: Скончался истинный доброжелатель б. Кассы, ныне Общества, всегда и неустанно твердивший, что взаимная помощь писателей есть истинная основа их разумных отношений.

Прощай высокий дух, парящий над бренным телом! Земля да будет тебе легка!

Н. Таганцев.

В след. №—ре будет помещена обстоятельная характеристика К. К. Арсеньева, написанная для „Вестн. Литер.“ Анатолием Федоровичем Кони, который связан был с покойным многолетними близкими отношениями.

Профessor A. A. Исаев

В те недавние дни, когда достоинства человека измерялись степенью признания в кружках, а сочинения оценивались ролью автора в ходовых и влиятельных направлениях, А. А. Исаев как экономиста, не понимали. Он стоял особняком, недостаточно все же оригинальный, чтобы выделиться в особый центр внимания. Он думал и писал „в одиночку“, сам создавая себе элея деятельности, когда представлялась, по его мнению, необходимость. Заинтересовавшись, наприм., вопросом о переселениях, он сам сорганизовал соответствующее общество, став во главе его и опубликовав несколько исследований (1890, 1891). Тоже было и в области кустарной промышленности артельного дела. Нотяготая к ряду проблем, излюбленных идеологами народничества, А. А. Исаев не был народником. В теории он представлял собою своеобразного электика, всегда, впрочем, радикально настроенного. Полуклассик, полумарксист, несколько безучастный, как большинство русских экономистов, к общим проблемам методологии и философии, Исаев охотнее откликался на вопросы практического характера. Сюда он вносил те точные и деловые навыки, которые ему дали Германия и прослушанные им лекции экономистов-историков, как Карл Кнас и Вильгельм Ротер.

Главная часть интенсивной литературной работы А. А. Исаева падает на двадцатилетие (1875—1895), когда вышли его более значительные работы и когда в ряде журналов постоянно появлялись его живые и интересные статьи.

К этому времени относятся: „Промышленный Товарищество“, Москва, 1879, „Артели в России“, СПБ, 1881, „Государственный Кредит“, 1886, „Большие города“, 1887, „Переселения“ 1891, „Неурожай и голод“, 1892 и др., а также работы в „Отечественных Записках“, „Юридическом Вестнике“, „Русской Мысли“, „Северном Вестнике“ и пр. Помимо русских журналов А. А. Исаев сотрудничает во французской экономической прессе и издает несколько книг за границею.

В 1894 году появляется его учебник,—„Начала политической экономии“, удачное руководство, многократно переиздававшееся и снаженное обильною русскою журнальною библиографией по каждому вопросу. Ясность изложения и широта общественных идеалов всегда привлекали сердца и умы многочисленных юных читателей этой книги. Но все же А. А. Исаев еще лучше говорил, чем писал. Он был в свое время одним из лучших академических ораторов, собирающих переполненные аудитории. Плавная и блестящая отделанная речь профессора была проникнута огнем неподдельного пафоса и внутреннего горения. В университете, где он преподавал с 1888 года, как доцент, в Александровском лицее и в Психоневрологическом Институте—молодежь его слушала и любила.

Последние годы А. А. Исаев мало выступал. Всегда замкнутый и корректный, педантично элегантный и лаконически настроенный, он резко выделялся на бледном фоне русской общественности. Симпатизируя движению 1905 года, он с суровой критикой относился ко многим явлениям и фактам современной действительности. Стихийный вихрь ее унес талантливого русского экономиста в самом конце этого марта в могилу. Да не забудется одинокий холм ее на громадном современном братском кладбище русской интеллигенции.

В. Святловский.

† 8-го мая скончалась Вера Ивановна ЗАСУЛИЧ.

К. А. Михайлов.

Общество взаимопомощи литераторов и ученых понесло утрату в лице скончавшегося на днях Константина Арсентьевича Михайлова. К. А. много лет подряд принимал деятельное участие в делах б. кассы, как неизменный секретарь общих собраний и член ревизионных комиссий в течение девяти лет. Его основательное знакомство с делами, делопроизводством, бухгалтерскою частью и прошлым кассы заставляли желать его непосредственной работы в правлении, и он исполнял некоторое время обязанности секретаря. К сожалению, постигшее К. А. семейное горе—кончина любимой жены—и тяжелая болезнь сделали для него невозможным совмещение сложной в то время обязанности секретаря, при отсутствии еще специального бухгалтера и сведущего делопроизводителя, со службою в правительском учреждении—в управлении сберегательными кассами. Михайлов должен был покинуть секретарскую обязанность и вскоре болезнь, привела его к постели, оказавшейся для него смертным одром.

В литературном мире К. А. Михайлов известен своими юмористическими фельетонами и набросками в журнале „Осколки“, который перешел к нему после кончины талантливого драматурга и юмориста В. В. Билибина.

М. М. Бродовский.

Скончался старый член кассы взаимопомощи литераторов и ученых М. М. Бродовский, известный в литературных кругах, как составитель первого календаря для писателей. Дебютировал покойный в Вольфовском „Задушевном Слове“, где помещал рассказы для детей. Его же перу принадлежат рассказы и статьи, печатавшиеся в разных периодических изданиях, в „Живописном Обозрении“ и др. Сборник рассказов М. М. вышел под названием „Тихий Уголок“. Отдельно изданы: „Руководство к выразительному чтению“ (2 издания), „Руководство к стихосложению“ (2 изд.) и книга по медицине. Одновременно покойный издавал вместе с художником Роланом художественный журнал и журнал для солдат.

Ю. А. Веселовский.

Умер 47 лет от руки писатель-педагог Юрий Алексеевич Веселовский, хорошо известный читающей публике, как популяризатор армянской литературы („Армянская муз“ и „Очерки армянской литературы и жизни“). Его же перу принадлежат историко-литературные очерки о русских и иностранных писателях (Княжине, Грибоедове, Пушкине, Расине, Леопарди, Байроне, Шиллере и др.). Одно время Веселовский состоял преподавателем в Московских гимназиях и читал в Народном университете.

Г. М. Князев.

Скончался хорошо известный в литературно-педагогическом мире Г. М. Князев, которому литература обязана разработкой и оглашением лежавших долго под спудом материалов о Ломоносове и о значительных его открытиях, мало-известных ученым миру и опередивших западных ученых на 100—159 лет. Г. М. хорошо известен и интересующимся хореографией: он создал новый предмет—„эстетику балета“, до него у нас не преподававшуюся.

В Литературных организациях.

Деятельность Общества вз. Литераторов и Ученых в 1919 г. продолжает расширяться и усложняться. Благодаря принятым Правлением энергичным мерам, значительно увеличилось количество вступающих новых членов.

Значительно возросли также и производимые Обществом кассовые выдачи; за январь, февраль, март апрель, было выдано: единовременных пособий разным лицам, как членами, так и не членам о-ва 11.515. рублей периодических (ежемесячных) пособий—8.335. рублей и посмертных выдач—10.266. рубл. 30 коп.

— Литературный Фонд, в ведении которого находится пожертвованная инжен. Малькилем дача на ст. Ермоловской Приморск. ж. д., предложил Центр. Комитету Литературных Организаций взять ее в свое заведывание. Комитет избрал особую комиссию в составе А. Е. Кауфмана, Л. М. Клячко и В. С. Кривенко для детальной разработки условий соглашения с представителем Литер. Фонда.

— Комиссариат Народного Просвещения, субсидировавший Союз деятелей худ. литературы, прекратил дальнейший отпуск средств и дал распоряжение о ликвидации счетов союза.

— Нам сообщают, что 12 апреля большинство Редакционной Коллегии Союза деятелей худож. литер. сложило с себя полномочия и вышло вообще, из состава Союза. Вышли следующие лица: М. Горький, Д. Мережковский, А. Блок, К. Чуковский, Е. Замятин и В. Шишков.

Избранный 3-го марта 1914 г. на Чрезвычайном Общем собрании Союза в число членов его Совета проф. В. В. Святловский 2-го апреля сложил с себя полномочия члена Совета.

Литературная хроника.

В издании Петроградского Совдепа вышли рассказы М. Горького „Челкаш“ и „Мальва“, с рисунками на обложке в футуристическом духе. То же издательство выпустило в свет второй том мемуаров Августа Бебеля: „Из моей жизни“. Внешность книги весьма прилична, что редко встречается в теперешних изданиях. Издательство „Альконост“ выпустило книгу Иванова-Разумника: „Александр Блок, Андрей Белый“. Содержание: Вьюга и пламя. Роза и крест. Пылающий. Исповедь в грозе и буре. Весть весны“. Из новых книг, вышедших в Петрограде, в последнее время, следует еще отметить: „Коммунизм“. Лекции Шелавина. Л. С. Маслов, „Крестьянское хозяйство и сел.-хоз. кооперация“. В. А. Носсе, „Идеалы кооперации“. И. Рудаков, „Организация трудовых артелей и лесная промышленность. Бессалько „Бозсознательным путем“. Роман Изд. Пролеткульт. (Книга эта выходит подряд пятых изданием). А. Тюменев, „Очерк истории экономического быта“. И. С. Тургенев, „Гамлет Щигровского уезда“, изд. лит.-изд. отдела Комиссариата Нар. Просв. Демьян Бедный. „Сытый голода не разумеет“. Басни. С иллюстр. художника К. Н. Фрид. берга.

— Книжная Палата приступила к печатанию „Временника Книжной Палаты“, под общей редакцией проф. С. А. Венгерова. Предположено выпустить всего пока 14 отдельных трудов: один из них будет посвящен обзору деятельности Книжной Палаты, другой—статистике тиража периодических изданий! 13-й выпуск—„Тургеневия“—составлен проф. Венгеровым. Из остальных выпусков некоторые будут разрабатывать вопросы о положении печати у отдельных национальностей России; 12-й выпуск содержит интересный материал об изданиях, вышедших на фронте.

— Созданная в октябре 1918 г. Комиссия по изучению материалов по Еврейскому вопросу, хранящихся в б. архиве Министерства Народного Просвещения, ныне приступила к печатанию материалов. Комиссия работает под руководством С. Г. Лозинского и посвящает 1-ый том материалов эпохи Николая I.

— Недавно вышла книга проф. С. Г. Лозинского под названием „Евреи Запада в борьбе за свободу и прав“ (Москва, 1919, изд. Идея). Книга состоит из ряда биографических очерков политических деятелей 19 века. Кроме биографий, имеется несколько общих глав, как то: „Первая жертва из евреев во время Великой Французской революции“, „Первая еврейская жертва во время контр-революции 1848 года“ и т. д.

— Вышла в свет брошюра И. В. Вольфсона „Практика Газетного Издательства“, представляющая собою первое краткое руководство для работающих в газетных издательствах. Автор с большим знанием дела говорит о рациональной постановке издательской стороны газеты. Книжка издана весьма тщательно: на хорошей бумаге, напечатана четким шрифтом и выпущена по недорогой ныне цене—3 р. 50 к.

— Вследствие значительных типографских затруднений, столь обычных в наши дни, № 4 „Вестника Литературы“ запоздал выходом. По этой же причине не могли войти в настоящий номер статьи А. Ф. Кони, проф. Ф. Д. Батюшкова, М. Я. Пергамента и др., которые появятся в № 5 „В. Л.“.